

Методология имагологического исследования

Елена В. Папилова

*Российский государственный университет нефти и газа (НИУ)
им. И.М. Губкина, Москва, Россия, lennochka@mail.ru*

Аннотация. Литературоведческая имагология как дисциплина компаративистики (сравнительного литературоведения), изучающая стереотипные образы «других», «чужих» наций, стран, культур, традиций и религий в текстах художественной литературы, уже довольно прочно закрепились в науке. Однако ее теоретические основы все же не сформировались окончательно. Это касается и понятийного аппарата, и методологии исследования. В статье предлагается механизм анализа образа «чужого», прежде всего – персонажа-иностранца. Автор выделяет следующие «элементы» анализа: портрет, костюм, возраст, «говорящие» имена героев, их речевая характеристика, предыстория, социальный статус (сословие, профессия), предметная детализация, хронотоп, высказываемые характеристики, степень «обруселости», национальное самосознание, национальный характер, менталитет, обозначение автором персонажа как «типичного» представителя своей нации, использование антитезы для выявления различий между «своими» и «чужими», раскрытие персонажа в сюжете, его место в системе персонажей. Кроме того, мотивы в произведении, ценностная позиция автора (выражающаяся в тональности повествования, его эмоциональном колорите) и даже сам жанр произведения могут также нести в себе имагологическую информацию. Таким образом, художественный текст – многоуровневый объект имагологического анализа, в котором даже незначительные, на первый взгляд, элементы могут нести в себе ценную информацию для исследователя. Теоретические положения подкреплены примерами анализа из русской художественной литературы XIX в. Статья содержит краткую библиографию по состоянию данного вопроса в современной науке.

Ключевые слова: имагология, «свой – чужой», персонаж-иностранец, характер, этностереотип, средства создания образа, художественная деталь, речевая характеристика персонажа, говорящие фамилии

Для цитирования: Папилова Е.В. Методология имагологического исследования // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 2. С. 14–22. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-2-14-22

Methodology of imagological analysis

Elena V. Papilova

*Gubkin Russian State University of Oil and Gas (NRU),
Moscow, Russia, llennochka@mail.ru*

Abstract. Literary imagology – a discipline of comparative studies which investigates stereotypical images of “different” or “alien” nations, countries, cultures, traditions, and religions in various works of literature – has already become quite firmly established in science. However, its theoretical bases are not yet completely formed. That goes for both the conceptual apparatus and the methodology of the research. The article proposes a mechanism for analyzing the image of the “stranger”, first of all, the foreign character. The author highlights the following “elements” of such analysis: physical appearance, costume, age, characters’ “speaking” names, their speech characteristics, pre-history, social status (class, profession), substantive details, chronotope, characterizations, the level of a foreigner’s being accustomed to the Russian life, his/her national consciousness, national character, mentality, the author’s marking a character as a “typical” representative of his/her nation, using antithesis to clear the difference between the “natives” and the “aliens”, reveal of a character within the narrative, his/her place in the system of characters. Moreover, the motives in the work, the author’s axiological position (reflected in tonality and emotionality of the narration), and the very genre of the work of literature may also transmit some imagological information. So, a literary text is a multilevel object of imagological analysis where even minor at first sight elements may be of great importance for the researcher. The theoretical foundations employed are supplemented with examples of such analysis made on works of 19th century Russian literature, the “elements” of such imagological analysis are illustrated. The article contains a brief bibliography on the current state of the issue in modern science.

Keywords: imagology, “native – alien”, foreign characters, mentality, ethno-stereotype, means of image creation, artistic detail, character’s speech characteristics, the “speaking” names

For citation: Papilova, E.V. (2025), “Methodology of imagological analysis”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 2, pp. 14–22, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-2-14-22

Один из барьеров на пути гармоничного развития имагологии в рамках филологической науки – отсутствие общепринятого механизма исследования образа «чужого» в произведениях художественной литературы и фольклора. На это не раз указывалось

в научных работах. Китайский исследователь Д. Сун констатирует «отсутствие четко разработанной методики исследования образа страны, в том числе в филологическом аспекте» [Сун 2019, с. 320]. «Создание достойной методологии исследования образов иных культур, – пишет Л.П. Репина, – по-прежнему является большой проблемой из-за отсутствия последовательных и систематизированных моделей» [Репина 2019, с. 30]. Таких моделей нет и в вышедших в последние десятилетия справочниках и учебных пособиях по имагологии¹. Имагологи-компаративисты, как правило, используют общие принципы литературного анализа, рассуждают о специфике конструирования национальных образов в жанрах, примыкающих к художественным [Поляков 2022, с. 144], например в травелогах [Капустянская, Кубанев, Набилкина 2015], исторических романах [Сироткина 2016], детективах, публицистике.

Так, Т.А. Сироткина предлагает следующие «средства объективации» чужестранцев в исторической прозе: этнические имена (татары, вогулы, и др.), этнотопонимы, этноантропонимы, черты этнических образов, к которым относятся вероисповедание, особенности характера и поведения, внешние отличия, языковые особенности, отличия в обрядах и традиционной культуре, наконец, рассмотрение этносов в их оппозиции друг к другу и, напротив, приравнивание «своих» и «чужих» [Сироткина 2016, с. 56–60].

Стереотип «чужой» страны, «чужой» нации, «чужого» национального характера и менталитета складывается в литературном произведении из разнообразных художественных элементов, среди которых главное место занимают персонажи-иностранцы, носители «чужой» культуры. Однако «живые» герои – не единственный источник формирования образа «чужого» в художественном пространстве. Этностереотипы могут присутствовать в форме прямых описаний, характеристик от лица повествователя/рассказчика/персонажей, в форме предметной и сюжетной детализации, в системе мотивов/лейтмотивов и др. Часто этностереотипы создаются стилистическими средствами – лексикой, тропами, сравнениями, реминисценциями, любыми упоминаниями «чужого». «Элементы» создания образа чужестранца очень разнообразны, в связи с чем художественный мир и текст предстают как многоуровневый объект имагологического исследования.

Всякий персонаж литературного произведения имеет концептированный характер, а персонаж-иностранец – вдвойне. «Автор

¹ См.: Миры образов – образы мира – Bilderwelten – Weltbilder: Справочник по имагологии. Волгоград: Перемена, 2003. 93 с. См. также [Поляков, Полякова 2013].

“выбирает” национальность для своего героя не менее последовательно, чем темперамент, возраст и др., – пишут Л.В. Чернец и В.Б. Катаев. – Не случайно Штольц – антипод Обломова – полунемец»². Образы «типичных» представителей своих наций «живут» в народном сознании и отражаются в национальных литературах. Так, в русской литературе XIX в. («Левша» Лескова, «Дочь Альбиона» Чехова) англичанин – человек рассудочный, умеющий отделить себя от окружающих стеной равнодушия). В основу творческой концепции многих произведений («Обломов» Гончарова, «Жид» Тургенева, «Чужой крови» Шмелева) положены именно стереотипы национального сознания.

Попробуем выделить основные «элементы», из которых складывается образ иностранца как носителя этностереотипа. Начнем с *портрета*. Он может содержать характерные этнические черты внешности, отличающие персонажа от окружающего его этноса. То же можно сказать о *костюме*, его непохожесть на исконно русскую одежду выдает иностранца даже при внешнем сходстве с русскими. Например, в образах евреев Гиршеля («Жид» Тургенева) и Мойшеля («Расплюх» Даля) упоминаются пейсы (деталь портрета), долгополый серый кафтан, башмаки и черная ермолка, мохнатые шапки (костюм), традиционные для евреев.

Возраст героя тоже может иметь важное значение, например, молодые иностранцы-гувернеры в трилогии Толстого «Детство. Отрочество. Юность» (Мими, St. Jerome – эгоистичные, ориентированные на карьеру) в корне отличаются от старого доброго саксонца Карла Иваныча, всем сердцем привязавшегося к детям.

Значимы *имена* героев, особенно «говорящие»: Вральман («Недоросль» Фонвизина), Гибнер («Ревизор» Гоголя). Ремесленники Шиллер и Гофман («Невский проспект») не случайно однофамильцы немецких классиков: Гоголь насмешливо подчеркивает, что его герои более значимы в повседневной жизни Петербурга, чем их великие однофамильцы (Лихачев назвал это приемом «иронических ассоциаций» [Лихачев 1981, с. 176]).

Важнейшим элементом образа является *речь* персонажа, она свидетельствует о степени его укорененности в русской среде. Одни персонажи говорят только на родном языке (Гибнер), другие, напротив, так хорошо владеют русским, что правильность их речи коробит русского человека (фон Фонк Тургенева), но чаще в литературе XIX в. персонажи-немцы говорят на «ломаном» русском. К их числу относятся Тофельс Даля («Колбасники и бородачи»),

² Сравнительное литературоведение: Россия и Запад, XIX в. / под ред. В.Б. Катаева, Л.В. Чернец. М.: Высшая школа, 2008. 350 с.

фонвизинский Вральман, сапожник Шульц («Гробовщик») и генерал Андрей Карлович Р. («Капитанская дочка») Пушкина, ремесленники Гоголя из «Невского проспекта» и др. Их речь изобилует немецкими вкраплениями, грамматическими ошибками, фонетическими особенностями, выдающими в них немцев, и почти всегда является источником комического. «Ломаная» речь персонажей-иностранцев свидетельствует о том, что в восприятии русского человека они – чужаки.

Предыстория героя способна пролить свет на его прошлое (зачастую – до прибытия в Россию), объяснить причины формирования его характера, ценностных установок. Очень часто предыстории схожи и национально характерны. Например, историям многих немецких персонажей-гувернеров свойственны скитания, нужда, смена множества профессий, зачастую они не имеют необходимой квалификации для должности учителя. Таков Карл Иванович в упомянутой трилогии Толстого. В лице Вральмана, учителей-«побродяг» («Горе от ума») авторы зло высмеивают благоговение перед всем чужеземным, характерное русским, нанимающим таких «педагогов». В отличие от них, Лемм Тургенева – профессиональный, одаренный музыкант, но и его судьба полна лишений. Такие предыстории, вероятно, отражают реальные истории пребывания в России чужестранцев, оставивших родину в поисках лучшей доли.

Социальный статус героя раскрывает его положение в обществе. В условиях XIX в. и ранее актуальны *сословия*: иностранцы так же, как и русские могут относиться к дворянам, мещанам, реже – к крестьянам. Одна из возможных классификаций – по *профессии* (ремесленники, врачи и аптекари, домашние учителя/гувернеры, военные, чиновники, управляющие имениями и др.; отдельно выделим женские образы). За разными нациями, как правило, закреплены «типичные» для них профессии. Так, гувернерами чаще всего выступают европейцы (французы, немцы, англичане, швейцарцы), цыгане чаще всего кузнецы, евреи – шинкари и торговцы, среди немецких мастеровых особенно много булочников [Папилова 2022], колбасников и сапожников. Разнообразие профессий обусловлено реальными обстоятельствами жизни иностранцев в России, их вовлеченностью во все сферы русской жизни и интересом к ним русских писателей.

Иногда автор называет своего героя «*типичным*» представителем своей нации. Такой персонаж вбирает в себя максимум стереотипных представлений и является «концентратом» национальной характерности. К примерам типизации можно отнести гоголевского Шиллера, тургеневского еврея Гиршеля («Жид»),

шмелевских солдата Ивана Грачева и немецкого бауера Брауна («Чужой крови»).

Предметная детализация способна добавить яркие краски в образ персонажа. Детали могут касаться чего угодно – внешности, обстановки, быта, привычек. Так, белоснежные фартук и колпак – постоянная деталь немецких булочников и колбасников в русской литературе XIX в., она характеризует их аккуратность и педантизм. Многие персонажи-немцы склонны употреблять много пива (в этом отразился стереотип о немецком пьянстве). Не раз встречаются упоминания, созвучные мнению Обломовых о том, что «у немца нежирно кормят» (в пансионе старшего Штольца). Все эти детали, повторяясь в произведениях разных авторов, подкрепляют друг друга, упрочивая заложенный в их основе стереотип.

Говоря о внутреннем мире персонажа-иностранца, следует рассмотреть его *степень «обруселости», национальное самосознание, национальный характер и менталитет*. Герои могут полностью обрусеть, слившись с русскими; могут, напротив, всячески подчеркивать свою национальность и сторониться окружающего их этноса («Я немец, а не русская свинья», – говорит гоголевский Шиллер); могут в разной степени сочетать две культуры. В том, кем осознают себя иностранцы, сколь хорошо владеют русским языком, стремятся ли сохранить свою идентичность, насколько связаны с родиной – во всем этом проявляется степень их обруселости. Самосознание персонажа могут характеризовать его верность религии или переход в православие, способность или неспособность принять в семью человека другой нации, сохранение или отказ от исконного образа жизни.

Национальный характер (менталитет) определяется наличием черт, приписываемых всей нации. Так, для немцев ими являются (помимо аккуратности и рациональности) педантизм и высокое мастерство: сделанные Шиллером шпоры для сапог Пирогова («Невский проспект»), мебель Гамбса («Безденежье» Тургенева) – образцы «немецкого качества». Профессионализм сапожника-немца в «Мертвых душах», «ученого» немецкого мясника Тофельса («Колбасники и бородачи») и «художника в своем ремесле» немца-булочника Ивана Ивановича («Жизнь человека, или прогулка по Невскому проспекту») Даля признается русским сознанием, хотя и с долей иронии.

Хронотоп может воздействовать на восприятие чужеземца в художественном тексте. В большинстве произведений русской литературы действие происходит в России, персонажи-иностранцы вписаны в российскую действительность, но при этом конкретное место действия характеризует героев. Так, ремесленники в «Нев-

ском проспекте» заперты в стенах мастерской, ограничены своим ремеслом, их мещанский мирок замкнут. Напротив, романтический и музыкально одаренный Лемм («Дворянское гнездо») часто предстает на фоне природы, в прогулках с Лизой по саду. Восприятие же русскими иностранцев у них на родине, в контексте их национального быта (что наблюдается гораздо реже), существенно отличается от восприятия проживающих в России иностранцев.

Тип персонажа (собирательный или единичный), его *место в системе персонажей* также имеют значение. Можно выделить главных, второстепенных и эпизодических персонажей. Они в разной степени принимают участие в сюжете, описаны с разной степенью полноты.

Антитеза чрезвычайно продуктивна в насыщенном этностереотипами тексте. Имея в своей основе архаичную оппозицию «свой – чужой», она прямо противопоставляет свою культуру – чужой. Русская литература изобилует такими примерами: Обломов – Штольц, русский (Максим Телятников) и немецкий сапожники в «Мертвых душах», Клубер и Санин в «Вешних водах» Тургенева. Антитеза может проследиваться на уровне высказываний героев (рассказчика, повествователя), на сюжетном уровне, в предметной детализации, мотивах и даже в названии произведения. Так, в самом заглавии повести Даля «Колбасники и бородачи» заложена антитеза, далее она реализуется на других уровнях. Антитеза не только выявляет различия, но и позволяет взглянуть на свою собственную нацию со стороны, как бы через призму сравнения себя с «другими» (т. е. дает возможность *самопознания* через сопоставление). В таком ракурсе иностранец (например, в русской литературе) особенно интересен как «своеобразный литературный прием, дающий возможность заострить проблемы именно русского народа» [Забровский 1994, с. 88].

Как отмечено выше, личность героя может полно раскрыться *в сюжете*, поскольку действия персонажей всегда мотивированы их ценностными установками, характером, целями, а в случае персонажей-иностранцев – еще и их национальными особенностями, менталитетом.

Список перечисленных элементов, из которых складывается образ иностранца как носителя этностереотипа в литературном произведении, не исчерпывается перечисленными. К ним можно добавить прямые авторские и неавторские *характеристики, высказывания* героев, *мотивы*, даже, по-видимому, *жанр* и *ценностная позиция автора*, проступающая в *тональности повествования* и *эмоциональном колорите* созданных образов. Все это позволяет сделать вывод, что произведение художественной литературы – многоуровневый объект имагологического анализа.

Литература

- Забровский 1994 – *Забровский А.П.* К проблеме типологии образа иностранца в русской литературе // Россия и Запад: диалог культур: Сб. статей / отв. ред. А.В. Павловская. М.: [Б. и.], 1994. 233 с.
- Капустянская, Кубанев, Набилкина 2015 – *Капустянская К.В., Кубанев Н.А., Набилкина Л.Н.* Имагология и травелог: формирование образа «чужих» стран и народов // Философия образования. 2015. № 6 (63). С. 218–223.
- Лихачев 1981 – *Лихачев Д.С.* Литература – Реальность – Литература. Л.: Советский писатель, 1981. 215 с.
- Папилова 2022 – *Папилова Е.В.* Три немецких булочника русской литературы XIX в. // Филология и культура. 2022. № 4 (70). С. 134–138.
- Поляков, Полякова 2013 – *Поляков О.Ю., Полякова О.А.* Имагология: теоретико-методологические основы. Киров: ООО «Радуга-Пресс», 2013. 162 с.
- Поляков 2022 – *Поляков О.Ю.* Литературоведческая имагология как учебный курс магистратуры: структурно-содержательные и методические аспекты // Вестник Вятского государственного университета. 2022. № 4 (146). С. 141–148.
- Репина 2019 – *Репина Л.П.* Историческая имагология и проблемы межкультурного диалога // «Свой»/«Чужой» в кросс-культурных коммуникациях стран Запада и России. СПб., 2019. С. 17–46.
- Сироткина 2016 – *Сироткина Т.А.* «Человек этнический» в пространстве текстов исторической прозы // Вопросы русской литературы. 2016. № 1–3 (35/92–37/94). С. 55–62.
- Сун 2019 – *Сун Д.* Филологическая имагология в Китае: научно-исследовательский обзор // Филологические науки: Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 3. С. 319–326.

References

- Zabrovskii, A.P. (1994), “On the issue of typology of a foreigner’s image in Russian literature”, in Pavlovskaya, A.V., ed., *Rossiya i Zapad: dialog kul’tur: Sbornik statei* [Russia and the West. Dialog of Cultures. Collected articles], Moscow, Russia.
- Kapustyanskaya, K.V., Kubanев, N.A. and Nabilkina L.N. (2015), “Imagology and travelogue. Formation of ‘alien’ countries and nations’ image”, *Philosophy of Education*, vol. 63, no. 6, pp. 218–223.
- Likhachev, D.S. (1981), *Literatura – Real’nost’ – Literatura* [Literature – Reality – Literature], Sovetskii pisatel’, Leningrad, USSR.
- Papilova, E.V. (2022), “Three German bakers as depicted in 19th century Russian literature”, *Philology and Culture*, vol. 70, no. 4, p. 134–138.
- Polyakov, O.Yu. (2022), “Literary imagology as a master’s degree course. Structural, substantive and methodological aspects”, *Herald of Vyatka State University*, vol. 146, no. 4, pp. 141–148.

- Polyakov, O.Yu. and Polyakova, O.A. (2013), *Imagologiya: teoretiko-metodologicheskie osnovy* [Imagology. Theoretical and methodological bases], ООО Raduga-Press, Kirov, Russia.
- Repina, L.P. (2019), "Historical imagology and issues of intercultural dialog", in *"Svoi"/"Chuzhoi" v kross-kul'turnykh kommunikatsiyakh stran Zapada i Rossii* ["Native"/"Alien" in cross-cultural communication of the Western countries and Russia], Saint Petersburg, Russia, pp. 17–46.
- Sirotkin, A.T.A. (2016), " 'Ethnic man' in the space of historical prose texts", *Voprosy russkoi literatury*, vol. 35/92–37/94, no. 1–3, pp. 55–62.
- Sun, D. (2019), "Philological imagology in China. Scientific review", *Filologicheskie nauki: Voprosy teorii i praktiki*, vol. 12, no. 3, pp. 319–326.

Информация об авторе

Елена В. Папилова, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный университет нефти и газа (НИУ) им. И.М. Губкина, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ленинский пр-т, д. 65, корп. 1; llennochka@mail.ru

Information about the author

Elena V. Papilova, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Gubkin Russian State University of Oil and Gas (NRU), Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 65, Leninsky Av., Moscow, Russia, 119991; llennochka@mail.ru